

The background of the cover features a vibrant, out-of-focus image of a crowd at night. The scene is illuminated by a bright light source, likely the moon or a stage light, creating a strong silhouette effect. The crowd's hands are raised in the air, suggesting a lively event like a concert or festival. A semi-transparent teal rectangle is overlaid on the upper half of the image, containing the author's name and the title. The overall color palette is a mix of deep blues, purples, and greens, with a warm glow from the light source.

Владимир Шарик

Не вышел из роли

Сборник юмористических рассказов

16+

Владимир Шарик

**Не вышел из роли. Сборник
юмористических рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Шарик В. М.

Не вышел из роли. Сборник юмористических рассказов /
В. М. Шарик — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В сборнике собраны рассказы, которые освещают различные стороны нашей жизни. Герои рассказов попадают в различные смешные жизненные ситуации. Правда, есть и грустные истории; это рассказ о взрослом мужчине, который полюбил молодую девушку, что привело его к гибели, а так же историю пожилого мужчины, который приехав на свадьбу внука узнает, что невеста внука является потомком преступника, который убил его деда в период коллективизации в СССР.

Содержание

Не вышел из роли.	5
Письмо в "Плейбой".	10
Женитьба внука.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Шарик

Не вышел из роли. Сборник юмористических рассказов

Не вышел из роли.

Вячеслав Степанович шатаясь, подошел к мусорному ящику и стал рыться в нем. Вытащил оттуда несколько старых грязных вещей и выбросил их на землю, после того, как тщательно их осмотрел.

– Вот, злыдни, ничего путевого не выбрасывают. Обнищал народ.

– Не верю, Славик, не верю, – крикнул ему из зрительного зала режиссер Полуэктов. – Во-первых, твоя походка. Это походка пьяного человека, а не голодного изможденного человека, который измучился в поисках куска хлеба. Понимаешь, Славик, он голодный.

– Но я и шел, так как ходит голодный человек, а не как пьяный. Мне да не знать, как ходит пьяный человек!

– Я в этом уверен, Славик, что ты очень хорошо усвоил походку пьяного человека, как на сцене, так и в жизни. Но нам надо походка голодного человека. Ты когда-нибудь, Славик, был голодным настолько, что падал на землю, что ты ничего не видел перед собой, тебе пелена глаза закрывала и идешь как в тумане.

– Не приходилось.

– Это хорошо, что ты не голодал, но ты должен представить это со всей ясностью.

– Но я и представил. Или думаете, Максим Михайлович, что у меня вообще никакого воображения нет.

– Славик, ты не слышишь меня. Послушай, что тебе Людмила Павловна скажет.

– Владислав Степанович, вы этот эпизод не доигрываете, надо больше искренности, что бы зритель почувствовал вас.

– И бросил монету в мою шапку.

– Вот только не надо иронии, Вячеслав Степанович. Мы хотим помочь вам, мы хотим достоверный образ создать, а вы обижаетесь.

– Я не обижаюсь. На обиженных людях воду возят.

– Хорошо. Оставим эту дискуссию, она может у нас продолжаться до утра. Пошли дальше. Вот вы подошли к мусорному ящику, и начинаете вот так нежно, двумя пальчиками вытаскивать эти вещи.

– Но Людмила Павловна ведь там таких вещей накидала. Они же грязные, воняют.

– А вы, думаете, Вячеслав Степанович, что вещи мусорных ящиках духами пахнут?

– Я так не думаю, но зачем артистов истезать на репетициях. Может те вещи вообще заразные какие-то. СПИДом заражены или другой какой-то болячкой. Во время спектакля я буду делать всё, как надо.

– Нет, Славик, нас это не удовлетворяет. Мы и на репетициях должны играть достоверно. Я должен видеть то на, что вы способны. Конечно, вы привыкли больше играть лордов и князей, но время переменялось. Откройте форточки, и впустите новый воздух перемен на сцену, что бы парафин прошлого исчез с подмостков театра. На вас лежит ответственность: сыграть нашего соотечественника, да так сыграть, что бы он запомнился, а не был поденщиком.

– Это зависит от автора, как ему удался этот персонаж.

– Вы снова высокомерны, и не хотите нас слушать. Актер тоже творец образа – не забывайте об этом. Мы должны за автора довести образ до совершенства. Походите по городским

свалкам, по вокзалам, по паркам, по развалинам предприятий, где собираются эти люди, и тогда вы, возможно, лучше узнаете жизнь этих людей, их характеры.

– Да видел я этих бомжей, с некоторыми из них даже общался.

– Почему же я не вижу этого в вашем исполнении.

– Не знаю.

– Вячеслав Степанович, может вам носа чем-нибудь закрыть, чтобы не так сильно воняло.

– Людмила Павловна, хоть вы не лезьте со своими дурацкими советами. – Артист со злости ударил мусорный ящик.

– А вот это вы напрасно инвентарь театральный бьете. Вот ваш тезка Вячеслав Тихонов, Штирлиц, был великий артист, настоящий народный артист, но он не позволял себе бить театральный инвентарь.

– Но ведь достали уже. Надоело. Каждый пытается шпильну запустить в артиста, совершенно не разбираясь в сути дела.

– Я понимаю вас. Вам надоело. Вам уже надо спешить на шабашку, чтобы деньги там срубить. Извините, что задерживаю вас, но поскольку вы получаете в театре деньги, то будьте любезны отрабатывать это. Пошли сначала этот эпизод играть.

Вячеслав Степанович шатаясь подошел к мусорному ящику. Начал там рыться, вытащил одну вещь, другую. Брезгливо рассматривает их.

– Не верю. Не верю! – заорал режиссер, выскочил на сцену, нырнул с головой в мусорный ящик, и стал лихорадочно выбрасывать оттуда вещи. Вот так надо это делать. Вот так...

– Ты куда это вырядился в такой одежде? И где ты её вообще откопал? – с удивлением и некоторой долей негодования спросила Валентина Ивановна своего мужа.

– Иду в массы. Вживаюсь в роль, – с присущим ему пафосом ответил Вячеслав Степанович, – это я не знаю, что такое быть голодным, когда вторую неделю у нас в меню мяса нет.

– Не мог бы ты вживаться в роль более прилично?

– Не могу, дорогая. Не могу. Задета моя профессиональная гордость. Я не позволю некоторым самодурам говорить, что я неправильно играю на сцене свою роль.

– Я это понимаю, но появляться в таком виде перед людьми, нашими соседями как-то неудобно. Что они подумают?

– За это я не переживаю. Меня волнует только то, как воспримут меня зрители, когда я буду играть на сцене.

– Мне, кажется, что это уже маразм. А, если ты будешь играть убийцу, то ты пойдешь убивать, что бы пережить чувства преступника?

– Надеюсь, что "Преступление и наказание" нашему главному не захочется ставить. Извини, дорогая, но мне пора идти.

Он поцеловал супругу в щеку, и вышел из квартиры. Супруга только помахала вслед мужу головой. На площадке Вячеславу Степановичу попала соседка-пенсионерка Вера Сергеевна, которая с удивлением посмотрела на мужчину бомжеватого вида, который вышел из квартиры Еременко. Она явно не узнала хозяина квартиры, что доставило удовольствие самолюбию артиста, значит, хорошо он замаскировался под бомжа. Его даже не волновал тот факт, что скоро по дому сплетня о том, что к Вере Сергеевне ходят любовники, причем очень дурно пахнущие. Не привыкать. Однажды эта соседка уже разносила такие сплетни, когда в гости к ним приезжал двоюродный брат Иван. Вячеслав Степанович решил пойти к мусорке, которая находилась подальше от родного дома, чтобы случайно, не встретить знакомых. Он сам не боялся таких встреч, но это бы шокировало его взрослую дочь и супругу, когда бы им стали рассказывать о занятиях мужа и отца. Дорогой Еременко встречал людей, которые по-разному реагировали на его появление: одни шарахались от него, как от прокаженного, другие, по преимуществу старушки, смотрели на него с сочувствием, иные же просто не замечали его. Это опять тешило самолюбие артиста, вживание роль происходит хорошо. Отойдя на достаточное

расстояние от дома, он решил, что можно уже и начать проверять содержание мусорных ящиков. Зашел во двор, раньше он здесь не был, но мусоросборник нашел сразу, по характерному запаху, который доносился оттуда. Там стояли четыре больших мусорных ящиков из пластмассы, окрашенных в зеленый цвет. Артист посмотрел в один из них, но он был пустой. Второй был тоже почти пустой, а вот от третьего шел такой резкий запах, что Вячеславу пришлось закрыть нос, но затем он вспомнил слова режиссера: "Не верю! Не верю!" – и он отпустил нос, чтобы обе руки запустить в мусорник. Достал несколько гнилых яблок, апельсиновую корку, а затем взял в руки грязную куртку, и стал её внимательно изучать. Вдруг его кто-то постучал по плечу. Артист обернулся. Перед ним стоял здоровый небритый верзила в грязной одежде.

– Ты что тут делаешь? – спросил тот строго.

– Разве ты не видишь? – дерзко ответил Вячеслав, недовольный тем, что его процесс вживания в роль был прерван таким наглым способом.

– А кто тебе разрешил здесь работать? – вопрос верзилы поставил артиста в ступор.

– Какое тут еще может быть разрешение? Разве уже и мусорники прихватизовали?

– А то ты первый день живешь на этом свете?

– Представь себе, что не имею понятия о здешних правил.

– Так я тебе говорю, что этот мусорник закреплен за мной.

– Покажи лицензию.

– Слушай, мужик, ты хочешь иметь неприятности, так ты их получишь сейчас.

– Слушай, мужик, я три дня крошки хлеба в роте не имел, то разреши мне хоть какой-нибудь сухарик найти, и я уйду отсюда на все четыре стороны.

– Нет. Уходи, мужик, отсюда по добру, по здорову.

– Ты ведь тоже был голодный, ты знаешь, каково это три дня не есть и не пить. Неужели ты обеднеешь от этого?

– Ничего не знаю. А, если хочешь, что бы всё было по закону, то иди к нашему старшему, он тебе разрешение работать в каком-нибудь районе. Но я уверен, что у нас тут в элитном районе вряд ли найдется свободная мусорка.

– Что ж мне тут умирать с голода?

– Это твои проблемы.

– А где же я могу найти вашего начальника?

– Он живет здесь недалеко, два квартала пройти.

– Может, ты покажешь мне, где он живет?

– Это я могу для тебя могу тебе сделать. Мне тоже надо идти к нему по делу.

– Пошли.

– Пошли. Только ответь мне, у тебя деньги есть или что-нибудь ценное?

– А зачем это?

– Ты что действительно с Луны свалился?

– Почему?

– Да, кто ж тебе предоставит место, если у тебя леве нету. Сейчас у нас всё платное. Рыночные отношения. Думаешь, я за даром здесь работаю, тем более в таком районе – рядом один супермаркет, немного дальше другой супермаркет, потом несколько еще продуктовых киосков. Так, что в копеечку мне место выпадает, но зато и имею отсюда прибыль. Бывает, целую корзину колбас, выбрасывают на мусорник или селедки.

– Ну, тем более разреши мне порыться. Будь другом. Ведь три дня крохи во рту не было.

– Мужик, это твои проблемы. Вали отсюда.

Не верю. Не верю. – Вячеславу Степановичу услышал недовольный голос режиссера. Он удивленно посмотрел вокруг себя – никого нет. Вот только верзила возле него стоит, а голос тот продолжал твердить:

– Не верю. Не верю, что у тебя во рту три дня не было крошки во рту. Да, если б ты три дня не ел, то ты не стоял бы так возле мусорного ящика, и не размазывал бы сопلي по губам, а действовал. Я всегда говорил, что ты бездарь, и никогда не мог создавать образ своих героев на сцене, а звание "заслуженного артиста" купил за сало. Настоящего артиста всегда видно, независимо, какая роль у него: большая или маленькая. Из-за таких артистов, как ты, которые, занимают чужое место в театре, к нам и зритель не ходит.

Вячеслав хотел что-то возразить, но слова оправдания застряли у него где-то внутри. Упреки были в чем-то справедливы, но в чем-то они были и предвзяты, артист рылся в своей памяти, что бы найти себе оправдание по такому несправедливому обвинению, которое уничтожало его, как творческую личность, как человека. В чем же крылась причина его неудач? Вот в чем вопрос. Решение пришло совсем неожиданно, и он посчитал его совершенно верным. Неудачи его заключались в том, что он придерживался того образа, который был создан автором. Текст очень сырой и не соответствующий реальности – это все признавали на художественном совете, но вопреки всему он был принят к постановке, так как его написал родственник заведующей культурой города, как говорится, против ветра не пописаешь. Но ты ведь артист, если ты действительно настоящий артист, то ты должен импровизировать, ты должен так сыграть эту роль, что бы тебе поверили зрители, как первых рядов, так и последних рядов. Глаза Вячеслава налились кровью, руки сжались в кулак, и с решительным видом он пошел на верзилу.

– Ты что, олигарх хреновый, варежку здесь раскрыл, или ты приключения на свою задницу ищешь. Смотри, какой единоличник нашелся, граф Табакеркин, скоммуниздил он мусорку. Кто тебе давал такое право? Ты у народа спросил его мнение. У нас народ является законным господином всего добра в стране. Знаешь, как таких как ты лохов у нас в зоне учат? Не знаешь. Так я пришлю Ваську Рябого или Петьку Дюбеля, то они малость прочистят тебе мозги, а то я вижу, что ты с катушек слетел. Видишь ли, мафию он здесь развел. Но этот номер у нас не пройдет. У нас тут все общее, все народное добро. Сгинь с моих глаз. И артист пошел прямо на верзилу, тот опешил и отошел в сторону. Вячеслав подошел к урне и стал отбирать себе оттуда полусгнившие продукты и куски черствого хлеба, какой-то салат. Верзила смотрел на это дело несколько удивленно и безропотно, но, когда артист вытянул оттуда палку позеленевшей сухой колбасы, то он не выдержал, и бросился забирать столь лакомый кусочек у противника.

Полуэктов был занят на репетиции, когда у него зазвонил телефон.

– Говорите.

– Это вам звонят из отделения милиции.

– Чем я обязан вашему вниманию?

– У вас работает Еременко Вячеслав Степанович.

– Да, есть такое недоразумение. А что он натворил?

– Приезжайте к нам, мы вам расскажем.

Пришлось Максиму Михайловичу прервать репетицию, и ехать в отделение милиции. Он был очень зол, готовил разгромную речь по поводу аморального поведения Еременко, ибо не сомневался, что во время очередной попойки он громил какое-то кафе, или устроил разборку с каким-то поклонником, который раскритиковал его игру в последнем спектакле.

– Где этот, мерзавец? – обратился он к дежурному офицеру.

– Да, вот же он сидит, – ответил тот и показал на лавку, где сидел верзила, и еще один бомж, в разорванной куртке, – устроили драку возле мусорного ящика.

– Не знаю я здесь никого, – недовольно сказал режиссер. – Это вас обманули.

– Михайлович, это я. Неужели вы не узнали.

По голосу режиссер узнал актера.

– Славик, ты, что это здесь делаешь?

– В роль вхожу, Михайлович. Теперь вы поверили!?

Письмо в "Плейбой".

Уважаемая редакция журнала!

Слышала я от кумы Гали, а ей сказала сваха Люба, что живет на околице и держит племенного бугая, к которому худобу со всего села на случку водят, так вот к ней в гости приехала двоюродная сестра Маша, такая там расфуфыренная штучка, точно картинка. И вот она бывает за границей, какие-то панели там оббивает, и такие деньги оттуда привезла, что я на нашей фирме "Буренка" и за год не заработаю. Как услышала я такое, то потеряла я покой и сон – прямо марю той за границей и ихними панелями, что бы заработать деньги на наряды, как у двоюродной сестры свахи Любы. Поэтому обращаюсь к вам с нижайшей просьбой содействием моему желанию попасть за границу, на их знаменитые панели. Я на все согласна и все буду делать, что мне прикажут, ибо сил у меня больше нет терпеть эти издевательства над женщиной и человеком, с тонкой организацией душевных переживаний. Ведь это форменное безобразие "...рученьки терпнуть, слипаются оченьки..." дергать вымя у наших буренок за копейки, а тут ещё и муж лежащий – если не спит, то пьяный валяется под забором, а, если не пьяный, то перед телевизором валяется с бесполезной недвижимостью. Запечатать бы его в контейнер и отправить гуманитарной помощью в развивающиеся страны. Не думайте, что я лентяйка какая-нибудь. Во дворе у меня ни соринки нет, а комната у меня грамотами увешана за мой доблестный труд и председатель всегда мной доволен, а бригадир так тот не нахвалится мною.

– У тебя, Мария, руки золотые. – И то чистая правда, ибо я столько безнадежных бычков на ноги ставила своими руками, что не сосчитать, а благодарности тебе никакой. Теперь немного о себе. Несмотря на свой возраст, я выгляжу на все сто, и не верьте, вы этой кладовщице Шурке, то веса ее брешут, и сама она крашеная блондинка. Забыла, вероятно, как вот ее муж в кладовке с агрономом застукал. Говорит, то мы семена на посев отбирали. Кому она мозги вправляет, или мы не знаем какие семена бывают. Если то настоящие семена, то зачем штаны снимать и бегать голым по кладовке. Видно для лучшей всхожести семян, происходят у них ритуальные танцы. Хотя семя у агронома качественное, ибо пол села ребяташек похожи на него, как две капли воды. Впрочем, немного отвлеклась в сторону, но это потому, что я люблю правду всегда говорить. О своих руках я уже говорила, ну, и все остальное у меня тоже на месте и находится в справном состоянии, несмотря на то, что мой кровопийца постоянно пытается вывести меня из строя. Так что посылайте меня за границу на ваши знаменитые панели, я вас не подведу, и буду трудиться там с усердием и старанием ударника капиталистического труда, что бы понравится иностранной публике. С ответом прошу не затягивать, ибо сил нет терпеть такого издевательства над человеком. Заканчиваю письмо, ибо мой кровопийца пробуждается, а у него на похмелье такие заскоки бывают, что хоть с дома убегай.

До свиданья! Жду скорого ответа, как соловей лета.

Мария Припудренко.

Женитьба внука.

В двери позвонили. Николай Александрович отложил книгу, которую читал и пошел открывать двери. Это был среднего роста мужчина лет семидесяти, плотного телосложения с рыжими небольшими усами и редкими волосами на голове. Звонок еще раз нетерпеливо зазвонил.

– Иду, иду уже. Зачем трезвонить, – по ходу говорил мужчина, словно, это мог услышать человек за дверьми.

– Кто там? – сердито спросил он, недовольный тем, что оторвали его от чтения интересной книги.

– Это я, папа, – услышал он голос сына.

– Что это ты решил посетить меня в будний день? – в голосе старика слышался легкий упрек за, то, что редко дети посещают его. Он, конечно, понимал, что они заняты, что у них есть проблемы, а у кого их нет в настоящее время, но всетаки была обида на родных детей, особенно, после того, как два года назад ушла в мир иной его супруга.

– Дела неотложные, – с некоторой загадочностью произнес Степан.

– Ну, проходи на кухню, чайком угощу.

– Да, некогда мне, папа, чай распивать, – с поспешностью произнес сын.

– Конечно, мы такие занятые, что некогда с отцом чаю выпить или чего-нибудь покрепче.

– Когда я тебе расскажу о своих делах, то ты меня поймешь, – ответил сын, вошел в комнату, и сел на свое любимое кресло, убрав предварительно книгу, которую читал отец, – «Братья Карамазовы» Что это ты Достоевского читаешь?

– Да, вот пытаюсь понять его, сложный автор и очень умный. Надо дорасти до его ума, чтобы все понять. Да, то, что он тогда писал, очень перекликается с нашим временем.

– Заумным он кажется. В школе он мне не нравился.

– Со временем некоторые вещи переосмысливаешь. Так что ты хотел сказать, – спросил отец, сядя на стул, который стоял возле большого стола, покрытого цветастой скатертью.

– Сын мой Игорь решил жениться, – озабоченно сказал Степан.

– А он разве закончил свою учебу в институте? – такая новость тоже озадачила отца.

– В том-то и дело, что не закончил, – с огорчением ответил Степан.

– Так зачем же затеваете эту свадьбу. Он-то молодой ничего не смыслит в этом деле, так ты бы его направил на путь истины.

– Так сейчас же молодежь такая, что совсем не слушает своих родителей. И я его отговаривал, и Тамара просила, не торопится с женитьбой, а он ни в какую не соглашается.

– Может, невеста уже брюхатая, потому и спешат так?

– Говорил, что они еще не хотят заводить ребенка.

– И на том спасибо. А невеста откуда?

– С твоего родного села? С Григоровки?

– Как же его угораздило там невесту найти?

– Ездил же он в гости к бабушке Зои, и там познакомился с ней.

– А чья же она будет?

– Не знаю. Фамилия её Вишневская.

– Из переселенцев видно, не знакома мне такая фамилия.

– Вот и поедет в эту субботу, знакомится к нашим сватам. Так что будь при параде, я за тобой заеду.

– Я, как пионер, всегда готов. Что поделаешь с вашими детьми, – сказал Николай

Александрович, намекая на тот момент, что в его семье таких вольностей не допускалось. – Вот только, папа, не надо мне морали читать, итак, тошно.

Сын вышел, а Николай Александрович сел на диван. Да, время неумолимо идет вперед – внук женится. Когда он успел вырасти? Ведь совсем недавно он с Людмилой, супруга тогда была жива, забирали его с родильного дома. Ведь в жизни ничего не изменилось, он чувствует себя хорошо, здоровьем он не обделен. Два года прошло с того, как не стало супруги – тяжелая болезнь забрала её в лучший мир. Тяжело ему было сначала справляться со всеми обязанностями по дому, их было немало: готовить еду, уборка в комнатах, закупка продуктов. Как только его Люда со всем этим справлялась, но со временем он смог спланировать работу на каждый день недели. У него была забота о внуке, это занимало его время, отвлекало от одиночества. Милый мальчик, любопытный малыш, который сотни вопросов задавал за день. С ним они ходили в парк, на аттракционы, в цирк и в кино, после чего заходили в кафе и заказывали мороженое с вишневым сиропом. Теперь это все ушло в прошлое, но в последнее время они все реже встречались, но после свадьбы, теперь дед вовсе отойдет на задний план.

До выходных оставалось несколько дней, и Николай Александрович стал перебирать свой гардероб, чтобы выбрать костюм для свадьбы. Пересмотрел свои рубашки, галстуки. Остался он, недоволен состоянием своего гардероба, ибо вещи выглядели буднично, серо не подходили для такого торжественного момента. Да, и мода, к которой он всегда относился с безразличием, ушла далеко вперед. Сейчас не носят пиджаки в полоску, и темные не носят, а галстук с цветами остался еще тот, который надевал на свадьбу сына. Надо идти в магазин, купить новый костюм и все остальное, но сам он никогда не делал таких покупок. Обычно, они шли вместе с супругой в магазин, примеряли несколько вещей, прежде чем она останавливала свой выбор на одной из предложенных предметов. После её смерти он ничего не покупал из вещей, носил то, что купили вместе с Людмилой, а теперь он не знал, что делать. Может, позвонить сыну и попросить его помочь в столь щекотливом деле, но у него сейчас много забот по подготовке свадьбы сына.

Решил сам пойти на центральный рынок Николай Александрович, достал из гардероба спрятанную под бельем небольшую шкатулку, в которой хранил свои сбережения – банкам он не доверял, после того, как пропали на сберегательных книжках пятнадцать тысяч советских рублей.

Рынок занимал огромную площадь, он прохаживался рядами, высматривая нужную ему вещь, продавцы зазывали его в свою палатку, но он обходил их стороной, полагая, что они обязательно обманут его. В глазах рябило от множества товаров, он даже устал ходить по бесконечным торговым рядам, и даже потерял надежду, что приобретет здесь нужную вещь, но уходить без покупки тоже не хотелось, ведь надо было ехать сватать внука.

– Подходите, ко мне у меня большой выбор товара, – стрельнули ясные карие глазки, – я подберу вам нужную вещь. Что желаете?

Девушке было немного больше за двадцать, в ее взгляде было столько искренности, желания помочь пожилому мужчине. Да и сама продавщица была симпатичная. Высокая, стройная, на розовых щеках ямочки, такую красавицу сразу заметишь в толпе, и не пройдешь мимо, тем более, что она обратила внимание на мужчину.

– Костюм мне надо приобрести, – ответил мужчина.

– По какому случаю? – поинтересовалась девушка. Николай Александрович хотел сказать, что костюм ему надо купить для того, чтобы женить внука, но сдержался – не хотелось открыться перед этой улыбающейся красоткой, что он находится в таком почтенном возрасте, ибо уже имеет взрослого внука.

– Да, вот я решил немного обновить свой гардероб, а то давно ничего не покупал себе. Правильно делаете, надо любить себя в любом возрасте, и преподносить небольшие подарки. Вот посмотрите этот костюм, – девушка сняла светлый костюм в тонкие, бордовые полосочки, которые золотом блестели при солнечных лучах.

Мужчина тщательно осмотрел его, поинтересовался, какая его цена и возвратил его продавщице.

– Это слишком светлый костюм. Нельзя ли немного темнее костюм.

– Сейчас найдем другой, – девушка поняла, что не только цвет, но еще и цена смущала мужчину, поэтому предложила более скромный костюм цвета морской волны. Николаю Александровича удовлетворил костюм во всех отношениях, и он пошел в примерочный кабинет, чтобы примерить новую вещь. Переодевшись, он отодвинул занавес, чтобы показаться продавщице, она выразила неподдельный восторг.

– Как хорошо сидит на вас костюм, словно шит на вас, – сказала она.

– И цвет вам очень подходит, – заметила еще одна продавщица из соседнего лотка.

– Да, вы в нем помолодели на десять лет, – подсказала еще одна продавщица, которая оказалась рядом.

Против такого напора мужчина не смог устоять и сказал, чтобы упаковали его покупку.

– Носите его на здоровье, – пожелала девушка и согрела старика своим взглядом.

– Дед, ты выглядишь отлично, – сказал внук, когда Николай Александрович вышел из дома на улице, где его ждала машина сына.

– Стараюсь, – просто ответил он и был доволен, что получил такой хороший отзыв от внука, ведь он так старался, не ударить лицом в грязь перед молодым поколением. С внуком у него были очень хорошие отношения, он занимал в сердце старика особое место, если с сыном он был справедлив, суров, то с внуком – это были нежные трепетные отношения, для него хотелось устелить жизненный путь розами. Всегда он преподносил подарки внуки на день рождения, на праздники и просто так, чтобы увидеть огонек счастья в его глазах. Когда Игорь подрос, то он всегда давал ему деньги на карманные расходы, чтобы он никогда не был ущемленным в своих желаниях, чтобы не выглядел "белой вороной" среди своих сверстников. И внук рос здоровым, умным и воспитанным мальчиком, с отличием окончил школу, поступил в институт, никаких вредных привычек не имел, был послушен, хотя вот решил жениться, не послушав мнения старших. Николай Александрович временами, глядя, как внука обхаживают родители и родители родителей, вспоминал свое детство. К сожалению, он не знал своих дедушек: один из них ушел рано из жизни от фронтовых ран, а второй дед по маминой линии еще раньше ушел из жизни. Он был убит бандитами еще в середине тридцатых годов, во время коллективизации на селе. На него с фотографии смотрел молодой дед с усами в форме казака. Он участвовал в гражданской войне, а затем организовывал новые хозяйственные отношения на селе, где не было бы угнетателей и угнетенных, но брошенная кем-то граната в камору, оборвала его жизнь. Вот все, что рассказывала мать о его деде, больше она ничего не помнила, ибо ей было только четыре года, когда подлые люди убили отца, а вскоре умерла и её мама. Так что у Николая Александровича была только одна бабушка по отцовской линии, которая жила в соседнем селе, у неё он часто хорошо проводил летние каникулы, освободившись от родительской опеки. А вот дедушек у него не было, так что это было большое упущение в его жизни, о чем он иногда сожалел.

– Папа, садитесь на заднее сидение, – пригласила нарядно одетая невестка Тамара своего свекра в машину, сидя на переднем сиденье с мужем.

Дорогой Николаю Александровичу внук подробно рассказал, куда они едут, где они познакомились с будущей невестой. Старик был приятно удивлен тем фактом, что они сейчас едут в село, где жили его родители, и он там жил до поступления в техникум. Правда, фамилия девушки Вишневская была незнакома, впрочем, в этом было ничего удивительного, ведь уже больше десяти лет Николай Александрович не ездил в родное село после того, как от болезни умер отец, а мама переехала жить в соседнее село к дочери Оксане.

– Я с ней познакомился еще в селе, когда ездил к бабушке в село, – рассказывал свою историю парень.

– Но это же столько времени прошло и вы были еще маленькими? – возразил дед.

– А я с ней недавно в городе встретил, она поступала в медицинское училище, и мы продолжили свое знакомство.

– Можно было, и подождать с женитьбой, – вставила свое слово мама.

– Мама, мы уже обо всем этом говорили, – заметил Игорь, давая понять, что эту тему больше не надо затрагивать.

В салоне "Шкоды" воцарила тишина. Старик с ностальгией смотрел в пробегающие мимо знакомые, но уже изменившиеся, родные места. Тополя за это время подросли и сплошной стеной окружали дорогу, по которой они ехали.

– Да, дороги здесь военные, – возмущался Степан, петляя между выбоинами на асфальте и постоянно переключая скорость с одной на другую.

– Давненько ремонт здесь не делали, – поддерживала его супруга.

– Конечно, нет хозяина сейчас у нас. Раньше перед уборочной все ямки в асфальте заделывали, чтобы не было потерь урожая, – заметил Николай Александрович.

– О тех временах надо уже забыть, – заключил сын.

Дорога пролетела незаметно, вот уже машина сделала поворотналево и знакомая статуя женщины с плакатом "Добро пожаловать" показалась в начале села, правда, была она какая-то грустная, облезлые краски, выпавшие элементы скульптуры говорили о том, что давно уже не казались её заботливые руки реставраторов. Дальше ехали они улицей, по которой Николай Александрович раньше прогуливался с ребятами и водил девушек за околицу, но сейчас она не радовала глаз: через двор стояли полуразваленные хаты, заросшие бурьяном огороды, неухоженные яблони, сливы и вишни, дряхлые заборы с выпавшими звеньями – все это говорило о нелегкой жизни жителей села. Слева показалось футбольное поле, на котором раньше кипели спортивные страсти, а сейчас оно тоже заросло высоким бурьяном. Клуб – центр культурной жизни, где раньше демонстрировались новые фильмы, где раньше: пенсионеры "забивали козла", играли в шахматы, шашки, гоняли шары на бильярде – был закрыт, а окна заложены белым кирпичом. Здесь была прекрасная библиотека, в которой, обычно, они засиживались зимой, ибо летом их ждала река и спортивная площадка, кроме того, надо было помогать родителям по хозяйству.

Автомобиль сына остановился возле высокого забора из бетонных блоков, который был покрашен зеленой краской, а на каждой секции был нарисован подсолнух, железные ворота, были выкрашенные в синий цвет, а посередине было нарисовано золотое солнышко. Забором был закрыт дом и другие постройки, виден был только второй этаж кирпичного дома с небольшой террасой. Вдоль забора росли вишни и кусты калины. Эта место было хорошо знакомо Николаю Александровичу, ибо часто бывал в гостях у своего одноклассника, но сейчас тут были построены новый дом, которого раньше тут не было.

– Ну, что, жених, води нас в дом, – сказал дед внуку, и он вышел из машины, разомнял ноги, которые немного отекли от сидения.

– Не спешите, – остановила Тамара сына, – надо прежде привести себя в порядок, а то мы напугаем, наших сватов.

Сказала она и вытянула из своей сумочки пудреницу, раскрыла её и стала приводить в порядок свою прическу, воротничок на своей блузке, отряхнула и поправила свою юбку, затем она принялась наводить порядок во внешнем виде сына, причесала его волосы, своей массажной щеткой, поправила галстук и смахнула с его пиджака перхоть. Бегло осмотрела внешний вид мужа, поправила прическу своему свекру и уже после этого дала команду, чтобы сын шел к воротам.

Игорь быстрыми шагами прямо таки подбежал к воротам и нажал кнопку звонка, его звучный голос они слышали где-то во дворе хозяйства. Вскоре в воротах показалось миленькое лицо девушки, которая счастливо обвела взглядом гостей и обратилась к Игорю.

– Что это вы так долго ехали? Мы уже начали волноваться.

– Мы маму с работы долго ждали.

– Хорошо, пошлите в дом, – обратилась девушка к своим гостям, распахнула настежь ворота. Родственники жениха с гордо поднятыми головами прошли во двор, рассматривая на ходу дом и все пристройки, который выглядели очень солидно, из чего гости могли заключить, что хозяева здесь живут в хорошем достатке. На пороге их уже встречали хозяева дома и прочие родственники, их насчитывалось с десятков нарядно одетых человек, которые тоже внимательно изучали своих будущих сватов.

– Здравствуйте, дорогие хозяева этого дома, – поздоровался от имени всех Николай Александрович, взяв в руки управление этим мероприятием от имени своего семейства.

Родственники невесты доброжелательно ответили дружно на приветствие, а затем выступила вперед моложавая женщина в нарядном цветастом платье и пригласила гостей в дом, где уже были расставлены столы и стулья, а на столах в изобилии были выставлены напитки и изысканные блюда.

Очень быстро за столом воцарила добросердечная обстановка, где хозяева старались блеснуть своими кулинарными способностями, а гости, особенно, Тамара, старалась все попробовать, чтобы определить вкусовые характеристики блюда. Николай Александрович дегустировал напитки, когда сзади подошел к нему мужчина, наклонился к нему и спросил: "Молчун, ты, что не признаешь меня?" – это очень удивило гостя, ибо это была его школьная кличка, и откуда её мог знать этот незнакомый мужчина. Впрочем, что-то было знакомое в этом мужчине, особенно голубые глаза выдавали некое сходство с некогда знакомым человеком.

– Ну, что до сих пор не признал меня? – мужчина улыбнулся и Николая осенило.

– Охрименко, Сергей.

– Наконец-то признал своего школьного товарища.

– Так сколько ж лет прошло.

– Действительно, пролетели года. Сколько ж это лет прошло с тех пор, как у нас был выпускной?

– Лет сорок, а может и больше.

– А мы с тобой как-то и не встречались после выпускного вечера. Здорово мы тогда накачались, на машине развозил по домам мой отец. Вот с другими одноклассниками я встречался, некоторые из них живут в нашем селе, а вот с тобой наши пути не пересекались.

– Да, не пересекались. А каким образом ты оказался здесь?

– Ведь это моя внучка Юлия есть невеста твоего внука.

– Вот это дела. Но фамилия у неё ведь не твоя.

– Это потому, что она дочь моей дочери, которая изменила при женитьбе мою фамилию на фамилию своего мужа Вишневская.

– Понятно. Вот никогда не мог подумать, что мы породнимся когда-то.

– Да, я тоже удивлен. Даже когда Юля сказала, что фамилия её жениха Ковтун, то я подумал, что это просто ваш однофамилец. А, когда вы приехали, то я стал присматриваться к тебе, конечно, ты изменился, но все-таки потом нашел общие черты.

– Значит, будем родней, – сказал Ковтун.

– За это стоит выпить, – предложил Сергей, – давай як тебе присяду.

– Степан, подвинься, тут нашелся мой хорошо знакомый приятель, – сказал сыну Николаю.

– Маша, подай мне мой прибор, – обратился к сидящей напротив женщине Охрименко, – тут я своего школьного товарища нашел.

– Ты только много не пей, у тебя больная печенька, – заметила та, передавая тарелку с вилкой.

– Это моя супруга, а твоя где жена?

- Моя жена умерла, я сейчас сам живу.
- Извини меня, я ведь ничего не знал.
- Ничего. Я уже как-то привык. Вначале было тяжело. Не верилось.
- Давай выпьем за нашу встречу, – предложил Сергей и разлил по рюмкам спиртное.

Они выпили пару стопок хорошего самогона, настроенного на дубовой коре и ароматных шкурках мандарин, а затем Сергей предложил.

- Пошли я тебе покажу свое хозяйство.

– Пошли, – согласился Николай Александрович, ему тоже хотелось побыть вдвоем с бывшим одноклассником, чтобы можно было свободно вспомнить прошлое, поговорить о настоящем.

Они зашли за дом, прошли в калитку, где на большой площадке располагалась различная сельскохозяйственная техника: старый трактор "Беларусь", сеялка, культиватор, автомобиль "Газ -53" и еще много различной мелкой техники да куча металлолома.

– Вот это наша техника, собирал её я в основном, немного помогал зять, но у него нет особенного желания заниматься сельским хозяйством, он занимается грузовыми перевозками.

- Ты со школы любил технику, – заметил Ковтун.

- Да, пошел по стопам своего отца, он шофером работал в колхозе. Ты помнишь его?

– Конечно, помню, – ответил Николай Александрович, в его представлении предстали суровые обветренные черты лица Ивана Алексеевича. Всегда был он серьезный, не улыбочивый. Иногда он заходил в гости к Сергею, они занимались вместе фотографией или готовили вместе уроки; ему, как сильному ученику вменили в обязанность заниматься с Сергеем по математике. Иван Алексеевич заходил в комнату сына, смотрел на них суровым взглядом и, не говоря ничего, выходил из комнаты.

- А ты знаешь, что это за машина? – спросил Охрименко.

– Конечно, знаю колхозный газон. На нем иногда нашу футбольную команду возили в другие села на матчи.

- Так на ней мой отец раньше работал.

- Но нас на футбол обычно другой водитель возил, – заметил Николай.

– У моего отца были проблемы со зрением, и не разрешалось возить людей на машине. Эта машину сначала выкупил Шыщенко бывший напарник отца, но я потом перекупил машину у его сына Андрея, который переехал жить в город.

Сергей Иванович залез в автомобиль, покрутил рулем.

– Пришлось и мне на нем поездить, а теперь он стоит на запасном пути, тяжело стало ремонтировать машину, запчастей нет. Сейчас там, в будке у меня находится мой архив, между прочим, там где-то находятся и фотографии, которые мы с тобой делали дома, в школе.

- Правда, – глаза Николая Александровича загорелись огоньком, – и наш класс имеется?

- Да, должны быть.

- Можно посмотреть.

– Да, они там где-то среди разных бумаг находятся, – пытался отговорить приятеля Охрименко.

- Ничего, пороемся. Так хочется посмотреть на своих школьных товарищей.

Сергей Иванович вытянул связку ключей и выбрав нужный открыл будку, которая стояла на автомашине.

- Пошли, посмотрим, что там делается, только не удивляйся тому беспорядку.

Александр Николаевич, поднялся по лестнице в будку, оценил порядок внутри постройки и нашел его удовлетворительным. По левой стороне были устроены полочки, на которых были разложены различные папки, а справа на таких же полочках стояли различные стеклянные банки, а также железные банки с различными красками, малярские кисти, препа-

раты и инструмент для ухода за садом. Он сел на скамейку, а Сергей Иванович стал просматривать свои папки.

– Вот держи эту папку, здесь должны быть наши фотографии, я давно их смотрел, все занят делами.

– Хорошо, давай я разберусь с нашими фотографиями, – Ковтун открыл папку и стал просматривать ее содержимое. Сначала ему встречались незнакомые личности, свадебные фотографии, на которых веселые люди в непринужденных позах смотрели в камеру фотоаппарата. Но вот открылась немного пожелтевшая фотография со знакомыми лицами.

– Смотри, вот я нашел одну фотографию нашего класса. Это мы ходили, вероятно, в поход на природу.

– Дай, посмотрю, – взял приятель фото в руки, – да, точно мы на природе. Вот с нами классный руководитель Алла Сергеевна, наша пионервожатая Галина Николаевна, а рядом староста Люба Кучерявая.

– А где она сейчас? – спросил Николай.

– Когда-то я встретил Наташу Погребняк, то она сказала, что Люба сейчас живет в столице.

После этого они нашли несколько фотографий, на которых они были сняты во время урока, на спортивных соревнованиях, на уборке арбузов на колхозном поле – таким родными и близкими воспоминаниями потянуло от этих снимков, что на душе стало так легко и светло, будь-то на время, они возвратились в свои безоблачные школьные годы. Но их безмятежные созерцания прервал голос супруги.

– Сергей, ты здесь?

– Да, – отозвался мужчина.

– Иди, к гостям, там надо достать еще вина из погреба.

– Хорошо, сейчас иду, – ответил он, а затем обратился к школьному товарищу. – Ты со мной пойдешь или останешься здесь?

– Я здесь останусь, – ответил Николай, он весь уже въехал всей головой в свое прошлое, и не хотелось оттуда выходить.

Фотографий много пересматривал Ковтун тщательно всматриваясь в пожелтевшие лица, пытаясь признать человека, как, только личность была индефицирована на него тотчас наплывали воспоминания связанные с ней. Но вот фото, которое он подсознательно искал, это его одноклассница Люда Пархоменко, светловолосая девушка с голубыми глазами и легкой улыбкой на лице. Девушка, как девушка, но было в ней нечто особенное, привлекательное и своеобразное. Она была не первая красавица в классе, но и не дурнушка и именно от нее он получил первую записку на уроке геометрии. Это было так странно, он не считал себя красавцем, даже был недоволен своим лицом, а тут вдруг его толкает сосед с задней парты Таран Саша и передает записку.

– Чего толкаешься? – возмутился Коля.

– Тебе записка, – сказал он с ухмылкой.

– От кого? – удивился Ковтун.

– Там написано.

Коля с трепетом взял четверо сложенный листок из тетради и прочитал записку, которая не была подписана, но по почерку он определил, что писала Люда Пархоменко. Она приглашала его прийти вечером в спортзал, где будет работать школа бального танца, а ей необходим партнер. Парня, словно, молния поразила от такого приглашения. Почему на нем остановила свой выбор девушка? Неужели у кого-то из особ противоположного пола может вызвать интерес его неказистая личность? Но, тем не менее, надев праздничную одежду, и сделав аккуратную прическу, он пришел в спортзал, а затем с Людой пытался вальсировать под магнитофонную запись и под неусыпным надзором старшей пионервожатой. Во время танца с ним происходили

невероятные вещи, кровь ударила ему в голову, сердце юноши трепетало, как птичка в клетке. С ними занимались еще несколько пар. Благодаря таким занятиям, Коля более-менее научился танцевать, что пригодилось ему в будущей жизни. С Людой у него не получились более тесного общения, но благодаря ней он открыл в себе интересного мужчину, который может увлекать женщин. Он еще раз внимательно рассматривал лицо девушки на фотографии, после школы их пути разошлись. Говорили, что она выехала в город, вышла замуж, но не совсем удачно и, где сейчас она находится, никто не знал. Пользуясь отсутствием хозяина, он положил фото девушки в свой бумажник, после чего стал складывать папки на место, но как-то неуклюже задел фотографию в деревянной рамке. Она упала на пол и фотография мужчины с усами и косоворотке выпала из рамки. Николай решил вставить фото назад в рамку и обнаружил за фотографией пожелтевший сложенный вдвое листок.

Николай Александрович хотел положить листок назад и исправить оплошность, но любопытство взяло верх, и он развернул пожелтевший листок. Это было письмо, написанное неровным почерком.

"Дорогая моя супруга, Марья Андреевна.

В первых строках своих я сообщаю, что я жив и здоров, хотя условия нашей жизни здесь очень суровые. Морозы здесь стоят сильные, а нам приходится жить в ветхих бараках, в которых находится около двадцати человек, таких же, как и я несчастных мужчин с Украины и Белоруссии, есть и русские мужики. Каждый день мы выходим на строительство железнодорожного пути, который прокладывают к новому заводу. Нам приходится преодолевать несколько километров от бараков до места работы по высоким сугробам, а у меня худые сапоги и ветхая одежда, в которой меня забрали в тюрьму. Я удивляюсь, что еще не заболел от таких условий. Кормят нас здесь плохо, всего 600 граммов хлеба в сутки и какая-то похлебка из затирки. И то такую норму нам дают, когда мы выполняем свою норму на работе, а, если не выполняем эту норму, то нам выдают по 400 граммов. Работаем целый день, а приходя домой, надо еще и топить буржуйку, чтобы было тепло в бараке и мы могли бы высушить свою одежду. Не знаю, выдержу ли я в таких условиях, и увидимся ли мы с тобой в скором времени, но ты воспитай нашего сына, если попадется хороший мужчина, то выйди за него замуж, если он захочет усыновить нашего Ивана и дать ему свою фамилию, чтобы на нем не было клейма "врага народа". Между нас есть несколько монахов, которые здесь в свободное время соорудили деревянную церковь. В ней мы можем помолиться, послушать праздничные службы. Одному из них отцу Тихону, с которым я сблизился, а потому и открыто исповедовался за мои грехи, а особенно, в моем самом страшном грехе – убийстве человека. Он сказал мне, что это небольшой грех, если лишаешь жизни иноверца, антихриста, анархиста, которым и был тот негодяй и бандит Максим Протопенко, который отобрал нашу землю и с таким трудом нажитое нами добро. Теперь он уж нажрался нашей земли, а я спокоен, что совершил правое дело, зачем он позарился на чужую собственность. Так библия говорит.

Прощай моя дорогая супруга, твой муж Потап Никифорович".

Мужчина еще раз перечитал письмо, особенно, последние строки, где говорилось об убийстве Максима Протопенко, ведь это по всей вероятности говорилось о его деде, который погиб от руки кулака. Об этом ему рассказывала ему мама Вера Максимовна Протопенко, а еще в семейном архиве хранилась пожелтевшая вырезка из районной газеты.

У Николая Александровича помутилось в голове. Что за тайну он открыл сейчас, которую пытался разгадать раньше. Он ходил по различным архивам в районе, в области, писал в республиканский архив, но никто не давал ответ на его вопрос – как погиб его дед и кто виноват в его смерти?

Только небольшая заметка в районной газете, в которой неизвестный журналист рассказывал о жизни и смерти его деда. Он её выучил наизусть. Дед Максим участвовал в Гражданской войне на стороне красных в коннице Виталия Примакова. После войны возвратился в

родное село, но там мало что изменилось, землей владели те, же кулаки, которые и до революции ее занимали, и никто не мог отобрать у них землю, ибо в районном начальстве сидели их родственники, кумовья и сватья. Максим Протопенко встал на борьбу с этими хозяевами района, написал письмо своему бывшему командиру Виталию Примакову, и благодаря его вмешательству было по-новому распределена земля между крестьянами, но враги не смирились со своим поражением и темной ночью бросили гранату в хату, где находился дед Максим. Вот и вся история, а сейчас он держит в руках письмо, которое написал человек, возможно, причастный к гибели его деда. Прокручивая в своей голове все события, которые происходили в его жизни, он теперь мог объяснить, почему отец Сергея Иван Потапович так холодно относился к нему в детстве. Дети очень чувствительный народ и хорошо ощущают настоящее отношение к себе. Вот он заходил к другим своим одноклассникам в их дома, встречался с их родителями, они, обычно, интересовались его жизнью, приглашали его за стол поесть, попить чая или даже чего-то покрепче. Но вот отец Сергея никогда не говорил с ним, никогда не интересовался, чем они занимаются, а просто зайдет в комнату суровым взглядом посмотрит на него, от которого сердце замирало у мальчика. Вероятно, он знал о судьбе своего отца от своей матери и, потому он видел в Коле наследника того Максима Протопенко, из-за которого его отца послали в Сибирь. Только интересно стало Николаю, знал ли Сергей о том, что его дед Потап причастен к смерти его деда Максима. По всей вероятности ничего не знал, ибо даже не говорил о том, что его дед был отправлен в Сибирь. Если бы он знал, то между ними вряд ли были бы такие дружеские отношения, когда они учились в школе, играли в футбол, занимались бы фотографией. А что ж в данный момент происходит? Его внук Игорь берет замуж девушку, прапрадедушка, которой причастен к смерти его прапрадедушки. Как все закручено в этой жизни, и что надо делать ему в этом случае. А может все это его фантазии? Но может и не фантазии. Ведь в свое время Сергея не приняли в комсомол, возможно, там наверху знали о преступлении его деда. В голове у Николая Александровича шло все кругом, но тут раздался добродушный голос Сергея Ивановича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.